

Гросс А. А. Формирование идеологии раннего диссидентского движения в СССР в 1960-е годы : этика Александра Есенина-Вольпина / А. А. Гросс // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 376—394. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-376-394.

Gross, A. A. (2021). Formation of Early Dissident Movements Ideology in USSR in 1960s Years: Ethics of Alexander Yesenin-Volpin. *Nauchnyi dialog*, 11(2): 376-394. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-376-394. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-376-394

Формирование идеологии раннего диссидентского движения в СССР в 1960-е годы: этика Александра Есенина-Вольпина

Гросс Андрей Александрович ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-5296-6670
аспирант, стажер-исследователь
кафедры отечественной истории
XX—XXI веков;
аспирант факультета современных
и средневековых языков
andrei.gross@sant.ox.ac.uk

¹ Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

² Оксфордский университет
(Оксфорд, Великобритания)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-39-90021

Formation of Early Dissident Movements Ideology in USSR in 1960s Years: Ethics of Alexander Yesenin-Volpin

Andrei A. Gross ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-5296-6670
postgraduate student, research assistant
Department of Russian History of
XX — XXI centuries;
postgraduate student, Faculty of Modern
and medieval languages
andrei.gross@sant.ox.ac.uk

¹ Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

² University of Oxford
(Oxford, United Kingdom)

Acknowledgments:

The reported study
was funded by RFBR,
project number 20-39-90021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблема появления советского диссидентского движения в 1965 году. Особое внимание уделяется «Митингу гласности» 5 декабря 1965 года, который, по воспоминаниям самих диссидентов, стал «точкой сборки» движения. Новизна исследования заключается в том, что автор предлагает интерпретацию нравственных мотивов инициатора митинга Александра Есенина-Вольпина. Основными источниками исследования служат неопубликованные дневники 1961—1965 годов и политическое заявление Есенина-Вольпина августа 1965 года, хранящиеся в архиве «Международного Мемориала» в Москве. Особое внимание уделяется случаю публикации «покаянного письма» известного московского инакомыслящего Александра Гинзбурга в газете «Вечерняя Москва» в июне 1965 года; прежде оно не привлекало внимание исследователей. Показано, что, осудив «покаяние» инакомыслящего в политическом заявлении августа 1965 года, Есенин-Вольпин сформулировал «диссидентскую» этику, известную по концу 1960-х — началу 1970-х годов. Доказано, что заявление подвело черту моральным размышлением диссидента в дневниках и стало источником лозунгов, с которыми Есенин-Вольпин готовился к «Митингу гласности». В результате исследования автор приходит к выводу, что уже летом 1965 года в воображении диссидента существовала социальная общность, объединенная «диссидентскими» ценностями.

Ключевые слова:

Есенин-Вольпин; диссидентство; советские диссиденты; диссидентское движение; правозащитное движение в СССР; советская интеллигенция; диссидентская этика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the appearance of the Soviet dissident movement in 1965 is investigated. Particular attention is paid to the “Glasnost rally” on December 5, 1965, which, according to the recollections of the dissidents themselves, became the “assembly point” of the movement. The novelty of the research lies in the fact that the author offers an interpretation of the moral motives of the initiator of the rally, Alexander Yesenin-Volpin. The main sources of the study are the unpublished diaries of 1961—1965 and the political statement of Yesenin-Volpin in August 1965, kept in the archives of the International Memorial in Moscow. Particular attention is paid to the case of the publication of the “letter of repentance” by the well-known Moscow dissenter Alexander Ginzburg in the newspaper “Vechernyaya Moskva” in June 1965; it had not previously attracted the attention of researchers. It is shown that, having condemned the “repentance” of a dissenter in a political statement in August 1965, Yesenin-Volpin formulated a “dissident” ethic known in the late 1960s — early 1970s. It has been proven that the statement summed up the dissident’s moral reflections in his diaries and became the source of the slogans with which Yesenin-Volpin was preparing for the «Glasnost Rally». As a result of the study, the author comes to the conclusion that in the summer of 1965 in the imagination of the dissident there was already a social community united by “dissident” values.

Key words:

Yesenin-Volpin; dissidence; Soviet dissidents; dissident movement; human rights movement in the USSR; Soviet intelligentsia; dissident ethics.

Формирование идеологии раннего диссидентского движения в СССР в 1960-е годы: этика Александра Есенина-Вольпина

© Гросс А. А., 2022

1. Введение = Introduction

В последние годы история диссидентского движения в СССР привлекает все больше внимания со стороны общества и ученых. И те, и другие проводят параллели между политической оппозицией в современной России и советскими диссидентами и стремятся глубже понять специфику диссидентского протеста в СССР [Весье, 2015, с. 453—455; Horvath, 2015].

Диссидентское движение формировалось с начала 1960-х годов в Москве под влиянием громких судебных дел над политическими оппозиционерами и творческой интеллигенцией (суд над В. Осиповым, Э. Кузнецовым и И. Бокштейном в 1961 году, процесс И. Бродского 1964 года). Центральное место в этом процессе занимал Александр Есенин-Вольпин — автор правозащитной идеологии, диссидентского движения и инициатор их первого митинга в защиту писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, арестованных в сентябре 1965 года. Согласно множеству воспоминаний диссидентов, «Митинг гласности» 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади стал «точкой сборки» движения [Nathans, 2007, p. 631; Алексеева, 1992, с. 194]. Разрозненные группы инакомыслящей интеллигенции, раньше скрыто выступавшей за различные гражданские свободы (слова, печати, мысли), объединились путем принятия общей морали и единых форм общественно-политической деятельности. За осуждением Синявского и Даниэля (на 7 и 5 лет заключения в исправительно-трудовой колонии соответственно) в феврале 1966 года последовала «петиционная кампания» диссидентов, направлявших коллективные письма протеста в адрес советских органов власти и официальных лиц [Алексеева, 1992, с. 201—204]. Теперь они в первую очередь выступали не за творческие свободы интеллигенции, а за соблюдение властями процессуальной нормы о «гласности судопроизводства» и положений советской Конституции.

В январе 1967 года в Москве начался еще один громкий процесс над советскими диссидентами, за которым последовала массовая отправка писем протеста в официальные инстанции [Алексеева, 1992, с. 207—208; Весье, 2015, с. 77—80]. Он был непосредственно связан с процессом Синявского и Даниэля: на скамье подсудимых сидели молодые диссиденты А. Гинзбург и Ю. Галансков, составившие самиздатский сборник до-

кументов о процессе Снявского-Даниэля под названием «Белая книга». По поводу ареста в конце января 1967 года также состоялся митинг на Пушкинской площади, организованный последователем Есенина-Вольпина — В. Буковским [Алексеева, 1992, с. 206; Вессье, 2015, с. 74—75]. В результате «процесса четырех» (кроме Гинзбурга и Галанскова также судили А. Добровольского и В. Лашкову) произошла окончательная консолидация московских диссидентов вокруг правозащитной идеологии [Алексеева, 1992, с. 207]; в апреле 1968 года они начали выпускать правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий», в котором описывали все нарушения прав человека и советских законов, которые совершались в СССР [Алексеева, 1992, с. 210—211].

В 2004 году Владимир Буковский номинировал Александра Есенина-Вольпина на Премию имени Сахарова, учрежденную Европейским парламентом в честь, пожалуй, самого известного советского диссидента-правозащитника — А. Д. Сахарова. Подчеркивая важность роли Есенина-Вольпина для формирования диссидентского движения, он сказал: «Честно говоря, это Андрей Дмитриевич должен был бы получить премию имени Есенина-Вольпина. Алик был его учителем (в правозащитной деятельности)» [90 лет Александру Сергеевичу Есенину-Вольпину]. Есенин-Вольпин представляет особый интерес для изучения формирования идеологии и самого диссидентского движения, так как именно он инициировал первый митинг диссидентов и наделил его определенным нравственным содержанием. После Митинга гласности 5 декабря 1965 года среди участников и критиков диссидентского движения установилось мнение о протесте диссидентов как протесте нравственном, а не политическом [АММ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 7. Л. 5—7; Богораз и др., 1989, с. 411; Горбаневская, 2017, с. 329; Шрагин, 2000, с. 202]. Действительно, листовка «Гражданское обращение», призывавшая на митинг 1965 года, содержала не политические требования, а нравственные императивы (об этом см. далее). Характеристика диссидентского движения как объединения с нравственными, а не политическими требованиями остается доминирующей в историографии [Алексеева, 1992, с. 191; Буббайер, 2010, с. 135; Вессье, 2015, с. 365—373; Шубин, 2000, с. 427—429; Gilligan, 2004, p. 27; Horvath, 2005, p. 205; Rubenstein, 1980, p. 96]. С точки зрения ученых, центральной проблемой «диссидентской этики» являлись отношения с государством [Буббайер, 2010, с. 151; Шубин, 2000, с. 456].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье мы обратимся к теме диссидентской этики со стороны моральной критики советского общества. По нашему мнению, диссидент-

ское движение со свойственным для него высоким вниманием к публичной морали началось не с противостояния государству, а с разговора с советским обществом. Мы исходим из базовой структуралистской интуиции об идентичности, как «негативном» качестве [Butler, 1990]. Поэтому мы полагаем, что *диссиденты* как «воображаемое» сообщество, объединенное дискурсивно, а не «реально» (то есть через социальные связи), появились в момент конструирования «Другого», через противопоставление которому они обрели свое специфическое лицо. Соответственно, в основании этики советских диссидентов не лежала проблема отношения к государству. В соответствии с этимологией экзонима (лат. *dissidens* ‘располагающийся в отдалении; не соглашающийся’), перед диссидентами стоял вопрос «как не быть такими, как все?», при этом последние наделялись отрицательными моральными качествами.

Принимая всерьез мысль о Митинге гласности 5 декабря 1965 года как «точке сборки» диссидентского движения, мы нацелены на поиск моральных утверждений, сформулированных московскими инакомыслящими в преддверии митинга. Данная статья является опытом микроистории. В фокусе нашего исследования находится обойденный историками случай публикации в газете «Вечерняя Москва» в начале июня 1965 года «покаянного письма» известного московского инакомыслящего Александра Гинзбурга. Выход письма заставил инициатора «Митинга гласности» Александра Есенина-Вольпина написать в августе 1965 года политическое заявление, в котором он раскритиковал мораль советской интеллигенции и сформулировал диссидентскую этику. Чтобы проследить происхождение его идей, мы изучим размышления Есенина-Вольпина в дневниковых записях, сделанных им до сентября 1965 года. Политическое заявление и дневники Есенина-Вольпина хранятся в архиве Международного Мемориала в Москве (далее — АММ), впервые становятся объектом исследования, архивные данные вводятся в научный оборот¹.

Целью данной статьи является изучение процесса формирования советского диссидентского движения. Анализируя взгляды Александра Есенина-Вольпина, мы преследуем задачу объяснения мотивов, побудивших его провести «Митинг гласности». Другой задачей статьи является сопоставление его этических идей, сформулированных летом и осенью 1965 года, с диссидентской этикой, известной по периоду конца 1960-х — начала 1970-х годов. Это позволит взглянуть на появление диссидентского движения как факт длительной интеллектуальной и социальной, а не по-

1 Выражаю благодарность работникам архива Татьяне Михайловне Хромовой и Алексею Макарову за оказанную помощь и условия работы с материалами.

литической истории с явным моментом «начала» в виде митинга на Пушкинской площади.

Изучение этических воззрений Александра Есенина-Вольпина представляет определенную методологическую проблему для историка. Являясь ученым-математиком со склонностью к философским изысканиям, он сформулировал свою этическую концепцию в нескольких философских эссе. С другой стороны, Есенин-Вольпин уделял много внимания публичной морали в своих дневниках, формально не служивших цели выражения его этических идей. Вместе с тем, как будет видно ниже, примеры поведения его знакомых и ряд моральных установок в итоге появились в его «политическом заявлении», обобщившем его этические взгляды перед арестом Синявского и Даниэля в сентябре 1965 года. Это заставляет видеть в дневнике Есенина-Вольпина своеобразную «творческую лабораторию», в которой он наблюдал за своим и чужим общественным поведением и формулировал свои этические воззрения. В этом смысле кажется релевантным следующее утверждение Ханны Арендт: «Я не думаю, что существует мыслительный процесс без личного опыта. Каждая мысль — это запоздалая мысль, то есть размышление о какой-то проблеме или событии [Arendt, 2013, p. 34]. Нам представляется, что такая методологическая установка, не разделяющая социальное воображение, выраженное в эго-документах, и осознанное интеллектуальное творчество, наиболее приемлема в случае Александра Есенина-Вольпина.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формулируя диссидентскую этику наедине: дневники Александра Есенина-Вольпина 1961—1965 годов

Сын Сергея Есенина и переводчицы Надежды Вольпин, Александр Есенин-Вольпин родился в 1924 году. Ко времени появления диссидентского движения его неоднократно репрессировали за инакомыслие. В 1940-е годы он писал стихотворения о репрессиях и идеологической индоктринации, за что в июле 1949 года его арестовали сотрудники МГБ. После заключения во внутренней тюрьме МГБ на Лубянке Особое Совещание МГБ приговорило Есенина-Вольпина к принудительному лечению в психиатрической больнице при тюрьме № 2 в Ленинграде [Nathans, 2007, p. 639]. В 1961 году в США вышел сборник стихотворений Есенина-Вольпина с его антимарксистским философским трактатом, который он передал в 1959 году членам Йельского русского хора [Ibid., p. 643]. После этого на него обрушилась критика первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева, председателя идеологической комиссии ЦК Леонида Ильичева и фельетониста журнала «Огонек» Ильи Шатуновского [Ibid., p. 650]. В де-

кабре 1962 года его вновь принудительно госпитализировали в психиатрическую больницу [Ibid, p. 651].

После освобождения из психиатрической больницы в марте 1963 года Есенин-Вольпин подал иск в суд на Илью Шатуновского за клевету в фельетоне «Из биографии подлеца» [Ibid., Pp. 651—652]. Это событие было экстраординарным для того времени. В конце года Есенин-Вольпин писал в дневнике о попытках родственников (по-видимому, матери и жены) убедить его отказаться от судебных разбирательств:

«В отношении судебного дела родственники всячески добивались того, чтобы я руководствовался их опасениями и “не рыпался”. Кажется, это называется у них “держаться с достоинством”» [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 13, л. 48об]¹.

В той же дневниковой записи он нацелился на поиск «более четких формулировок, нужных для продолжения борьбы» и «разрешения старого конфликта с советским обществом» [Там же, л. 47]. Цель своей «борьбы» Есенин-Вольпин выразил в дневнике еще в конце 1961 года: «Я уже предвижу отдаленные бури, в которых я буду защищать права и правовое мышление, а также мораль правдивости как таковые» [Там же, л. 38 об].

Объяснение мотивов проведения «Митинга гласности» 5 декабря 1965 года до сих пор основывалось на публичном образе хладнокровного легалиста, осознанно создававшегося Есениным-Вольпиным до и после митинга. Исследователи видят в «Митинге гласности» первый случай манифестации правозащитной идеологии диссидента, которая стала моральной и стратегической основой правозащитного движения в СССР [Nathans, 2007, p. 654—656; Komaromi, 2015, pp. 28, 39; Серебрякова, 2020, с. 51]. Не умаляя важности этой стороны личности Есенина-Вольпина, следует заметить, что диссидент также был и требовательным моралистом.

В листовке «Гражданское обращение», призывавшей на митинг с требованием открытого суда над Синявским и Даниэлем, Есенин-Вольпин предлагал императив гражданского поведения, требовавший храбрости: «Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия во время неостановленного произвола» [Есенин-Вольпин, 1999, с. 313]. Известно, что многие инакомыслящие не пришли на митинг либо стояли в стороне [Алексеева, 1992, с. 203]. Для них публичное выражение протеста против действий органов власти было актом безрассудства или провокации [Памятка; Самойлов, 2002, с. 25]. Первая жена Есенина-Вольпина, Виктория Вольпина вспоминала реакцию друзей и настрой мужа во время подготовки к митингу: «“Ты сошел с ума!” <...> никаких доводов об опас-

1 Как правило, Есенин-Вольпин делал дневниковые записи в конце года (31 декабря) и в день рождения (12 мая), поэтому мы ограничиваемся фразами «в конце года» и «в мае».

ности он не принимал. У него был лозунг: “Долой инстинкт самосохранения и чувство меры!”» [Пятое декабря 1965 года].

В одном из интервью Есенин-Вольпин утверждал, что к проведению митинга его подтолкнул судебный процесс с Илейей Шатуновским [Памятка]. Он закончился в апреле 1964 года отказом диссиденту в иске [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 4, л. 257—258]. Воспоминание диссидента подтверждается его дневниковыми записями. В мае 1964 года он сокрушался на страницах дневника, что суды «интересуются политическим аспектом проблемы явно больше, чем правом и логикой» [Там же, д. 13, л. 52—52 об]. Прежде всего он имел в виду закрытый характер судебного процесса против Шатуновского. В дневниковой записи он вновь упомянул о предстоящей «борьбе»: «Мне предстоит, вероятно, бурная борьба за свои идеи и права в течение ближайшего года, и еще более бурная — в последующие годы. Я должен спешить, так как мне угрожает заговор конформистов» [Там же]. Там же он признался, что, «ведя борьбу с конформизмом, прокладывает дорогу себе подобным» [Там же]. Таким образом, можно утверждать, что отнесенная в будущее «борьба» Есенина-Вольпина была не личным делом инакомыслящего, оскорбленного клеветой, а общественно-политическим предприятием, направленным на изменение публичной морали.

Стоит заметить, что заявления о предстоящей борьбе за свои идеи Есенин-Вольпин делал в дневниках и раньше. Его общественно-политическим устремлениям мешала повседневная реальность. В мае 1965 года Есенин-Вольпин, сотрудник Всесоюзного института научной и технической информации Академии наук (ВИНИТИ РАН), планировал закончить в течение полугода большую работу об «ультраинтуитивистском» обосновании математики. Он писал в дневнике, что при новом правительстве Леонида Брежнева не намерен «возобновлять остроту конфликта до нового случая нарушения чьих-либо прав» [Там же, л. 62]. Есенин-Вольпин уже был готов защищать писателей, арестованных через три месяца. Тем не менее он отметил, что пошел на «компромисс с противниками конституционных норм» и избрал «мирную психологию» [Там же, л. 69—70].

В мае 1965 года Есенина-Вольпина, как и прежде, беспокоила забота близких, которую он воспринимал как ограничение его свободы. Диссидент жаловался, что жена не подготовлена к борьбе, которая ему предстоит, и «не вполне отказалась от желания склонить к уступкам — в пользу одного лишь домашнего очага» [Там же, л. 73]. Он окончил дневниковую запись заявлением о выборе нравственных приоритетов на период предстоящего конфликта: «... семейные обстоятельства я буду принимать в соображение, вступая в новый этап борьбы, столь же мало, как тот, кто бывает вынужден браться за оружие или лезть под пули во время войны» [Там же, л. 74].

Мы можем заключить, что уже в мае 1965 года Есенин-Вольпин сформулировал собственные установки относительно моральных оснований для проведения «Митинга гласности». Через анализ собственной жизни диссидент пришел к мысли, что частная жизнь («семейные обстоятельства») мешает заниматься общественной деятельностью и тем самым ограничивает свободу. Сравнение с солдатом, принужденным идти на фронт, служило обоснованием необходимости переступить через страх и пожертвовать частными интересами ради общей пользы. Целью «борьбы» Есенина-Вольпина было не только насаждение правосознания, но и искоренение среди его окружения «конформизма», препятствовавшего его общественно-политической деятельности.

3.2. Моральные дилеммы советских инакомыслящих и «покаяние» Александра Гинзбурга в мае 1965 года

3 июня 1965 года в газете «Вечерняя Москва» за подписью известного инакомыслящего Александра Гинзбурга вышел текст под названием «Ответ господину Хьюгесу». Гинзбург критиковал свой образ жизни: чтение иностранных книг, встречи с иностранцами и издание поэтического альманаха «Синтаксис» в обход официальной цензуры [Орлов, 2017, с. 173—174]. Эпизод «покаяния» не запечатлелся в мемуарах диссидентов. По-видимому, по этой причине историк диссидентского движения Филипп Буббайер поставил Александра Гинзбурга в один ряд с Андреем Сахаровым. По его мнению, перед обоими диссидентами никогда не стояла задача «преодолеть себя»; иначе говоря — альтернатива скрытого «инакомыслия» и открытого «диссидентства» [Буббайер, 2010, с. 126]. На самом деле с начала 1960-х годов Александр Гинзбург находился в процессе морального поиска, завершившегося «диссидентским» выбором только после ареста Снявского и Даниэля [Орлов, 2017, с. 178—183].

На рубеже 1950—1960-х годов квартира матери Александра Гинзбурга (1936—2002) была центром притяжения для московских инакомыслящих, интересовавшихся неподцензурной поэзией. Как позже утверждали друзья Гинзбурга, в стране с официальной цензурой издание «Синтаксиса» было политическим делом [Там же, с. 74—75, 84]. Чтобы избежать конфликта с партийно-государственной властью, название альманаха выбирали с установкой на отстранённость от «политики». Александр Гинзбург вспоминал, что это было не тактическим шагом, а выражением групповых ценностей: «Мы были не политики и, честно говоря, политики очень сильно боялись» [Там же, с. 61—62]. О нежелании обсуждать общественно-политические проблемы вспоминали многие молодые знакомые Гинзбурга. Так, Николай Котрелев (1941 г. р.), посещавший его квартиру, утверждал, что у их «по-

коленческой прослойки» не было «специального интереса к политике» [Там же, с. 56, 148]. В воспоминаниях инакомыслящих начала 1960-х годов референдом проходит приоритет культурных интересов над политическими [Поликовская, 1997, с. 43, 47—48, 54—55; Орлов, 2017, с. 70, 74, 148].

В июле 1960 года сотрудники КГБ арестовали Александра Гинзбурга по обвинению в «распространении антисоветских взглядов» и подделке документов. В январе 1961 года его приговорили к заключению в лагере на два года за мошенничество [Орлов, 2017, с. 110—111]. В переписке с Гинзбургом его друзья-инакомыслящие интересовались, как заключение повлияло на его убеждения. Отвечая им в одном из писем из лагеря, он сформулировал свое новое кредо: «... я понял свое назначение (совсем не великое) и буду делать свое дело (пусть маленькое и техническое, но свое). А в деле — счастье, вся жизнь. <...> слабенький «Синтаксис» что-то сделал, заставил людей поработать, пометать, пожить» [Там же, с. 125].

В мае 1964 года против Александра Гинзбурга завели уголовное дело об «антисоветской пропаганде». В конце месяца он обратился в Идеологическую комиссию ЦК КПСС. Инакомыслящий просил позволить ему «учиться и жить нормально»; журналист по первому, неоконченному образованию, он хотел работать редактором в издательстве [Там же, с. 163—164]. Гинзбург настойчиво фреймировал свою деятельность как «неполитическую». Судя по множеству воспоминаний, он был искренен. Диссидент и философ Григорий Померанц, в то время много общавшийся с Гинзбургом, вспоминал настроение в среде московских инакомыслящих в начале 1960-х годов: «Люди устали от заикленности на политике, от политических программ и тактик. Они хотят просто жить» [Поликовская, 1997, с. 167].

В июне 1964 года Александр Гинзбург написал заявление в КГБ, в котором, по словам следователя, признал «неправильность своих действий» [Орлов, 2017, с. 170]. Публикация «покаянного письма» в «Вечерней Москве» спустя год, 3 июня 1965 года, была вынужденной. Согласно Владимиру Орлову, КГБ поставил инакомыслящему ультиматум после печати трех номеров «Синтаксиса» в эмигрантском журнале «Грани» [Там же, с. 173]. «Покаяние» вызвало удивление у друзей Гинзбурга и стало причиной его мучительных переживаний. Диссидент Владимир Буковский пришел к нему домой и устроил ссору, причем Гинзбург признал за Буковским правоту [Там же, с. 175]. Он осознавал, что совершил поступок недостойный с точки зрения морали «референтной группы». Многие знакомые прекратили общение с ним, а другие, наоборот, продолжили посещать его квартиру, помня о социальной атомизации сталинских времен. Одним из знакомых Гинзбурга, отреагировавших на «покаяние», был Александр Есенин-Вольпин.

3.3. Диссидентская этика в политическом заявлении Александра Есенина-Вольпина (август 1965 года)

В начале августа 1965 года Есенин-Вольпин написал текст, в котором пересказал свой разговор с Александром Гинзбургом на тему «покаяния», состоявшийся в июне. Во вступлении диссидент назвал его «политическим заявлением» и выразил намерение распространить его [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 8, л. 1]. По-видимому, оно осталось «в столе»¹. Заявление было посвящено трем темам и разрослось до 152 машинописных листов. Одной из тем было «покаяние» Александра Гинзбурга. В начале текста Есенин-Вольпин описал кредо знакомого, в котором можно обнаружить мораль, ключевые положения которой он сформулировал в письме из лагеря в 1961 году: «Он говорит в свое оправдание, что, как он убедился, “нужны не деятели, а работники” — то есть нужна деятельность более скромная, чем та, посредством которой он прежде приобрел известность (издание «Синтаксиса». — *А. Г.*); он признает, что опозорил свое имя — но это не помешает ему в его новой, будничной, но необходимой и благонадежной работе» [Там же, л. 4—5].

Есенин-Вольпин представил Гинзбурга в качестве члена сообщества, в которое входили их общие знакомые, как и он, удивившиеся «покаянию». По его мнению, единственное достоинство поступка Гинзбурга заключалось в том, что, «вымазав себя и свое прежнее дело в грязи», он никого «не выдал». Тем не менее он подставил всех инакомыслящих: из-за него «инквизиторы» будут жестче обращаться с ними в тюрьмах и психиатрических больницах, «дожидаясь покаяний» [Там же, л. 32—33]. Религиозная терминология Есенина-Вольпина происходила из его дневниковых записей, в которых диссидент размышлял над «покаяниями» после участия в допросах и заседаниях судебно-психиатрических комиссий. В дневнике он называл «католиками» сотрудников КГБ; например, в конце записи от 12 мая 1962 года Есенин-Вольпин вставил поэтический призыв: «И настолько ведь останусь я собой, / Чтобы вызвать всех католиков на бой!» [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 13, л. 37 об.].

Кроме этого, Есенин-Вольпин счел «бесстыдным» появление Гинзбурга, скрывшего свое «превращение», перед иностранцами в кругу друзей [Там же, д. 8, л. 5]. Возмущение диссидента происходило из убеждения, что поступки знакомого — не его личное дело. Воображаемое им сообщество инакомыслящих было революционного типа: его члены были скрыты от государства и объединены чувством неприязни к нему. В отношениях

1 Его следов в Самиздате до сих пор не обнаружено. Учитывая большой объем текста, сложно представить, чтобы его перепечатывали для распространения.

с ним нужно было твердо придерживаться определенных моральных качеств.

Есенин-Вольпин осудил молодого знакомого за «ложь и малодушие»: «Его покаяние было лживым, так как он отлично знал, что каяться ему было не в чем. Оно было малодушным — так как совершено под нажимом и сам он <...> дал ему весьма нелестную оценку» [Там же, л. 24]. Он использовал выражение *быть собой*, когда писал о сопротивлении Александра Гинзбурга КГБ до публикации письма: «Долго Гинзбург не сдавался, оставаясь самим собой» [Там же, л. 33]. Оценка «покаяния» основывалась на этике Есенина-Вольпина, сформулированной в 1959 году в «Свободном философском трактате». В нем он выделил «правду» и необходимое для ее выражения «мужество» в качестве главных моральных качеств. Там же он отметил, что «быть честным — значит не быть предателем» [Есенин-Вольпин, 1999, с. 50]. Моральные убеждения Есенина-Вольпина в целом соответствовали диссидентской этике, известной по периоду конца 1960-х — начала 1970-х годов.

С точки зрения диссидентов, главной моральной проблемой советского общества была невозможность публичного выражения личных убеждений из-за страха или силы материальных обстоятельств. Предполагалось, что в «совести» или «душе» человека содержатся «честные» моральные оценки, которые необходимо высказывать, чтобы избежать «двоемыслия» или «конформизма» [Буббайер, 2010, с. 153—185; Весье, 2015, с. 107—125; Шубин, 2000, с. 429]. По мнению диссидентов, кроме «нормальных» советских граждан, «конформизмом», или «двоемыслием», страдали инакомыслящие, избегавшие открытого протеста ради сохранения материального комфорта [Шрагин, 2000, с. 193; Солженицын, 1995, с. 187—188, 190—191]. Диссидентов отличало от «инакомыслящих» то, что они публично выражали свои убеждения («были самими собой») и нравственные оценки («правду»), переступая через частные интересы и страх, то есть обладая «мужеством» и «достоинством» [Шрагин, 2000, с. 195, 203; Шубин, 2000, с. 429].

3.4. Социология предательства Александра Гинзбурга и «теория малых дел» советской интеллигенции

Диссидентская этика допускала взаимодействие с государством только по собственной воле. По мнению Есенина-Вольпина, письмо Александра Гинзбурга было бы непредосудительным, если бы он опубликовал его в иностранном или советском издании без внешнего давления: «Он действовал бы при этом без нажима, искренне и вполне убежденно — значит, хранил бы собственное достоинство» [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 8, л. 25]. В этом отрывке Есенин-Вольпин вновь связал потерю «достоин-

ства» с предполагаемым страхом Гинзбурга перед КГБ. По его мнению, публикация письма в результате проявления им «малодушия» означала, что инакомыслящий «опозорил свое имя» [Там же, л. 34]. В социологических терминах «покаяние» Гинзбурга привело к потере «лица» или порче «виртуальной социальной идентичности», предполагающих выполнение определенных нормативных ожиданий [Goffman, 1963, pp. 1—3; Goffman, 1967, pp. 5—7]. В представлении Есенина-Вольпина, с именем известного инакомыслящего ассоциировались моральные качества, которыми тот пренебрег в значимом эпизоде — столкновении с государством. По мнению диссидента, в эпизоде «покаяния» Гинзбург потерял «мужество и принципиальность». Чтобы «вернуть утраченное достоинство», от него требовалось публично отказаться от «имени Гинзбург»: отныне оно символизировало моральное падение [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 8, л. 34]¹.

Отход от ценностей сообщества означал лишь временную стигматизацию и условный остракизм. Есенин-Вольпин допускал, что Гинзбург мог бы «искупить грех», совершив «очистительный акт», то есть отказавшись от фамилии и проявив «диссидентские» качества под псевдонимом [Там же, л. 34—35]. Однако диссидент находил для этого непреодолимое препятствие в морали Гинзбурга, которую тот провозглашал с 1961 года. В конце заявления он вернулся к этой теме: «Он говорит теперь, что разочаровался в своей прежней деятельности, что “ни у кого из деятелей (такого рода, каким был он) ничего не получилось, и что нужны не деятели, а работники”. Не осудил бы я его за эти слова, если бы он произнес их вместо того, чтобы братья за “Синтаксис” ... <...> это — некоторая широко известная “теория малых дел”, по которой каждый “в наше время” должен “знать свое место и свое дело” и не выходить проявлять смело(сть. — А. Г.) (предполагается: дозволенное начальством) (так в тексте. — А. Г.), пытаться что-то сделать хитроватыми путями в своей скромной области и не проявлять никакой активности за ее пределами. “Малые дела” Гинзбурга теперь это газетная работа, связанная в настоящий момент с материалами по детской преступности» [Там же, л. 31].

После разговора с Гинзбургом Есенин-Вольпин кодировал выход его письма в «Вечерней Москве» как «рenegатство» [Там же, л. 24]. Он представил моральные взгляды Александра Гинзбурга как проявление «теории малых дел». По мнению диссидента, она прикрывала карьеризм интелли-

1 Практика публичного отказа от имени с целью морального перевоплощения известна по случаю советского писателя-невозвращенца Анатолия Кузнецова. Получив убежище в Великобритании летом 1969 года, он отказался от своих произведений и фамилии «Кузнецов». По его мнению, она олицетворяла его отрицательные моральные качества: «Кузнецов — нечестный, конформистский, трусливый автор». Чтобы стать «честным человеком и честным писателем», он взял псевдоним А. Анатоль [Батшев].

генции, которая не выражала своих истинных оппозиционных настроений [Там же, л. 37]. При этом сторонники «теории малых дел» будто бы проповедовали ценности частной жизни: «Они добавляют <...>, что у человека должны быть семья, дом и уют, и очень хорошо, если в придачу к этому у него есть любимое занятие, которого у него не отнимают и он имеет в нем некоторые успехи» [Там же, л. 36].

Есенин-Вольпин считал, что утверждение приоритета личного призвания и семейной жизни отворачивало инакомыслящих от протеста. «Теория малых дел» представлялась диссиденту «обоснованием ограниченности». Она якобы предписывала запрет на публичную деятельность, в том числе юридическую защиту за пределами собственной профессии: «Если ты ученый — не суйся в философию, если философ — не суйся в политику, если ты не адвокат — не защищай тех, кого судят и ни в коем случае не возражай против очевидной воли авторитетного начальства» [Там же, л. 37]. Есенин-Вольпин объявил сторонников «теории малых дел» «злейшими врагами свободы, как духовной, так и политической» [Там же, л. 40].

Как можно заметить, заявление диссидента было продолжением его дневниковых размышлений. В уста проповедников «теории малых дел» он вложил выражения, которые слышал от родственников, препятствовавших суду с Ильей Шатуновским («не рыпаться», «сохранить достоинство»): «Природа, говорят они, наделила человека многими дарами, но пользоваться в наше время надо только чем-нибудь одним, не рыпаться, когда нельзя...»; «эта “теория малых дел” учит нас <...> как, став предателем, следует “сохранить свое достоинство”» [АММ, ф. 120, оп. 1, д. 8, л. 36, 43]. В неназванном ученом, противящемся «теории», легко угадывался сам диссидент: «Если он рвется за границу, ибо его доконают здесь идеологические нормы и проповедники этой “теории” — его укоризненно осуждают: “у тебя же здесь и дом, и семья и работа”» [Там же, л. 42].

В конце заявления Есенин-Вольпин привел сравнение с солдатом-добровольцем из дневниковой записи от 12 мая 1965 года: «По этой “теории” глуп тот, кто без принуждения идет на войну добровольцем». Сравнение диссидента с солдатом, рискующим «собственной жизнью во имя свободы», служило обоснованию диссидентской этики, которую Есенин-Вольпин формулировал в дневнике на основе моральных дилемм из реальной жизни. Судебный процесс с Ильей Шатуновским не только повлиял на его представления о советских судах, но и дал материал для построения диссидентского кредо. В заявлении 1965 года, как и в дневниковых записях, Есенин-Вольпин вел воображаемый диалог со своими родственниками, будто бы обвинявшими его в том, что он «отчаянный эгоист, забывший свои обязанности перед женой и родителями» [Там же, л. 44—45]. Уподобление себя солдату,

а общественно-политической борьбы войне («попробовали бы так сказать тому, кто собирается идти добровольцем на фронт!») обосновывало высшую моральную ценность диссидентского протеста [Там же].

Таким образом, в воображении Есенина-Вольпина «теория малых дел» противостояла диссидентской этике. Ее сторонники проповедовали ценности частной жизни, тем самым навязывая «границы свободы» и отворачивая других от «политики» [Там же, л. 41, 43]. Именно это делало Александра Гинзбурга «ренегатом». В глазах Есенина-Вольпина он не только отказался от диссидентских ценностей, но и стал исповедовать мораль, противостоящую им.

4. Заключение

В заявлении о «покаянии» Александра Гинзбурга Александр Есенин-Вольпин выполнил задачу, которую ставил перед собой в дневнике в конце 1963 года: нашел «более точные формулировки для продолжения борьбы и разрешения конфликта с советским обществом». Дневниковый «заговор конформистов» приобрел вид соперничающей этики, «теории малых дел», в противопоставление которой Есенин-Вольпин сформулировал диссидентскую этику. Она предписывала участвовать в общественной жизни, непреклонно следуя личным убеждениям. В терминологии Есенина-Вольпина это означало говорить «правду» или быть «искренним». Для этого нужно было обладать «мужеством» и «принципиальностью».

Из дневниковых записей в заявление августа 1965 года Есенин-Вольпин перенес мысль о том, что «малодушие» и приоритет частной жизни приводят к ограничению свободы. Через несколько месяцев диссидент обосновывал идею проведения «Митинга гласности» в защиту Андрея Синявского и Юлия Даниэля с помощью лозунга «Долой инстинкт самосохранения и чувство меры!» С уверенностью можно утверждать, что он назвал «чувством меры» «границы», которые, по его мнению, навязывали сторонники «теории малых дел». В «Гражданском обращении», приглашавшем на митинг, Есенин-Вольпин призывал «пожертвовать одним днем покоя», чтобы «остановить произвол» процесса над Синявским и Даниэлем. Происхождение этого императива также следует связать с текстом заявления о «покаянии» Александра Гинзбурга. В мае и августе 1965 года Есенин-Вольпин уподоблял себя солдату, жертвующему личным благополучием ради «свободы».

Мы обнаружили, что за несколько месяцев до «Митинга гласности» в воображении Есенина-Вольпина существовала социальная общность, объединенная «диссидентскими» ценностями. Она была сконструирована через противопоставление окружению диссидента — интеллигенции и

семье, предположительно исповедовавших ценности, препятствовавшие публичному протесту «инакомыслящих» против действий государства. Эта интеллектуальная работа также велась в дневниках 1961—1965 годов и завершилась в политическом заявлении Есенина-Вольпина, написанном в августе 1965 года.

Источники и принятые сокращения

1. АММ — *Архив* Международного Мемориала. Ф. 102. (Ленинградская. коллекция самиздата). Оп. 1. Д. 7. Статья Михайлов А. Соображения по поводу либеральной кампании 1968 г ; Ф. 120. (Коллекция А. Есенина-Вольпина). Оп. 1. Д. 4. Постановление Тимирязевского нарсууда г. Москвы от 29.04.1964 по иску А. С. Вольпина ; Оп. 1. Д. 8. Политическое заявление А. С. Есенина-Вольпина о «покаянии» А. Гинзбурга, 5—6 августа 1965 г., Д. 13. Дневники А. С. Есенина-Вольпина.

Литература

1. *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР : Новейший период / Л. М. Алексеева. — Вильнюс-Москва : Весть, 1992. — 352 с.
2. *Батшев В.* Дело Анатолия Кузнецова. Воспоминания. Документы. Признания А. Кузнецова [Электронный ресурс] / В. Батшев. — Режим доступа : http://www.be-lousenko.com/books/kuznetsov_a/kuznetsov_batshev.htm (дата обращения 21.05.2021).
3. *Богораз Л. И.* Диссиденты / Л. И. Богораз, А. Ю. Даниэль // 50 / 50. Опыт словаря нового мышления. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 411—416. — ISBN 5-01-002295-8.
4. *Буббайер Ф.* Совесть, диссидентство и реформы в Советской России / Ф. Буббайер. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 367 с. — ISBN 978-5-8243-1334-5.
5. *Весье С.* За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России / С. Весье. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 576 с. — ISBN 978-5-4448-0268-7.
6. *Горбаневская Н. Е.* Полдень : Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади / Н. Е. Горбаневская. — Москва : Новое издательство, 2017. — 400 с. — ISBN 978-5-98379-210-4.
7. *Есенин-Вольпин А. С.* Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека : Избранное / А. С. Есенин-Вольпин. — Москва : РГГУ, 1999. — 452 с. — ISBN 5-7281-0266-2.
8. *Орлов В. И.* Александр Гинзбург : русский роман / В. И. Орлов. — Москва : Русский путь, 2017. — 792 с. — ISBN 978-5-85887-489-8.
9. *Памятка для не ожидающих допроса. Беседа с Александром Есениным-Вольпиным // Неприкосновенный запас.* — 2002. — № 1. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nz/2002/1/pamyatka-dlya-ne-ozhidayushhih-doprosa.html> (дата обращения 01.06.2020).
10. *Поликовская Л. В.* Мы предчувствие ... предтеча ... : Площадь Маяковского, 1958—1965 / Л. В. Поликовская. — Москва : Звенья, 1997. — 398 с. — ISBN 5-7870-0002-1.
11. *Пятое декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах Самиздата, документах партийных и комсомольских организаций и в записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС [Электронный ресурс] / сост. Костенко Н., Кузовкин Г., Лукашевский С., Паповян А. «Мемориал», 1995.* — Режим доступа : <http://old.memo.ru/history/diss/books/5dec/index.htm> (дата обращения 01.06.2020).

12. *Самойлов Д. С.* Поденные записи. В 2 т. / Д. С. Самойлов. — Москва : Время, 2002. — Т. 2. — 384 с. — ISBN 5-94117-030-0.
13. *Серебрякова Е. Г.* Идентичность “правозащитник” в аксиологии и социальной практике Александра Есенина-Вольпина / Е. Г. Серебрякова // *Обсерватория культуры*. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 48-60. — DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-48-60.
14. *Синяевский А. Д.* Диссидентство как личный опыт / А. Д. Синяевский // *Синтаксис*. — 1985. — № 15. — С. 131—148.
15. *Солженицын А. И.* Публицистика : в 3 т. Статьи и речи / А. И. Солженицын. — Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. — Т. 1. — 720 с.
16. *Шрагин Б. И.* Мысль и действие : Философия истории. Эстетика. Критика. Публицистика. Воспоминания. Письма / Б. И. Шрагин. — Москва : РГГУ, 2000. — 477 с. — ISBN 5-7281-0285-9.
17. *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917—1985 гг. / А. В. Шубин. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 768 с.
18. *90 лет* Александру Сергеевичу Есенину-Вольпину [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://hro.org/node/19368> (дата обращения 05.09.2021).
19. *Arendt H.* The Last Interview and Other Conversations / H. Arendt. — Brooklyne : Melville House, 2013. — 144 p. — ISBN 978-1-61219-311-3.
20. *Butler J.* Gender Trouble : Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. — New York : Routledge, 1990. — 172 p. — ISBN 0-203-90275-0.
21. *Gilligan E.* Defending Human Rights in Russia : Sergei Kovalyov, Dissident and Human Rights Commissioner, 1969—2003 / E. Gilligan. — London : Routledge, 2004. — 272 p. — ISBN 0-415-32369-X.
22. *Goffman E.* Interaction Ritual : Essays on Face-to-Face Behavior / E. Goffman. — New York : Pantheon Books, 1967. — 270 p.
23. *Goffman E.* Stigma : Notes on the Management of Spoiled Identity / E. Goffmann. — Englewood Cliffs, N.J : Prentice-Hall, 1963. — 147 p.
24. *Horvath R.* The Legacy of Soviet Dissent : Dissidents, Democratisation and Radical Nationalism in Russia / R. Horvath. — London : Routledge, 2005. — 263 p. — ISBN 0415333202.
25. *Horvath R.* “Sakharov Would Be with Us” : Limonov, Strategy-31, and the Dissident Legacy / R. Horvath // *The Russian Review*. — 2015. — Vol. 74. — № 4. — Pp. 581—598.
26. *Komaromi A.* Uncensored : Samizdat Novels and the Quest for Autonomy in Soviet Dissidence / A. Komaromi. — Evanston : Northwestern University Press, 2015. — 254 p. — ISBN 978-0-8101-3186-6.
27. *Nathans B.* The Dictatorship of Reason : Aleksandr Vol’pin and the Idea of Rights under ‘Developed Socialism’ / B. Nathans // *Slavic Review*. — 2007. — Vol. 66. — № 4. — Pp. 630—663. — DOI: 10.2307/20060376.
28. *Rubenstein J.* Soviet Dissent in Historical Perspective / J. Rubenstein. — Cambridge : Cambridge University Press, 1980. — 305 p.

Material resources

Archive of the International Memorial. F. 102. (Leningrad. samizdat collection). Op. 1. d. 7. Article Mikhailov A. Considerations on the liberal campaign of 1968; F. 120. (Collection of A. Yesenina-Volpina). Op. 1. d. 4. The resolution of the Timiryazevsky People’s Court of Moscow of 29.04.1964 on the claim of A. S. Volpin; Op. 1. D. 8.

The political statement of A. S. Yesenin-Volpin about the “repentance” of A. Ginzburg, August 5—6, 1965; d. 13. The Diaries of A. S. Yesenin-Volpin. (In Russ.).

References

- Alekseeva, L. M. (1992). *The history of dissent in the USSR: the newest period*. Vilnius-Moscow: Vesti. 352 p. (In Russ.).
- Arendt, H. (2013). *The Last Interview and Other Conversations*. Brooklyne: Melville House. 144 p. ISBN 978-1-61219-311-3.
- Batshev, V. *The case of Anatoly Kuznetsov. Memories. Documents. Confessions of A. Kuznetsov*. Available at: http://www.belousenko.com/books/kuznetsov_a/kuznetsov_batshev.htm (accessed 21.05.2021). (In Russ.).
- Bogoraz, L. I., Daniel, A. Yu. (1989). Dissidents. In: *50/50. Experience the vocabulary of new thinking*. Moscow: Progress. 411—416. ISBN 5-01-002295-8. (In Russ.).
- Bubbayer, F. (2010). *Conscience, dissidence and Reforms in Soviet Russia*. Moscow: ROSSPEN. 367 p. ISBN 978-5-8243-1334-5. (In Russ.).
- Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge. 172 p. ISBN 0-203-90275-0.
- December 5, 1965 in the memoirs of the participants of the events, materials of Samizdat, documents of party and Komsomol organizations and in the notes of the State Security Committee in the Central Committee of the CPSU. (1995). “Memorial”. Available at: <http://old.memo.ru/history/diss/books/5dec/index.htm> (accessed 01.06.2020). (In Russ.).
- Gilligan, E. (2004). *Defending Human Rights in Russia: Sergei Kovalyov, Dissident and Human Rights Commissioner, 1969—2003*. London: Routledge. 272 p. ISBN 0-415-32369-X.
- Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, N. J: Prentice-Hall. 147 p.
- Goffman, E. (1967). *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Pantheon Books. 270 p.
- Gorbanevskaya, N. E. (2017). *Noon: The case of the demonstration on August 25, 1968 on Red Square*. Moscow: New Publishing House. 400 p. ISBN 978-5-98379-210-4. (In Russ.).
- Horvath, R. (2005). *The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratization and Radical Nationalism in Russia*. London: Routledge. 263 p. ISBN 0415333202.
- Horvath, R. (2015). “Sakharov Would Be with Us”: Limonov, Strategy-31, and the Dissident Legacy. *The Russian Review*, 74 (4): 581—598.
- Komaromi, A. (2015). *Uncensored: Samizdat Novels and the Quest for Autonomy in Soviet Dissidence*. Evanston: Northwestern University Press. 254 p. ISBN 978-0-8101-3186-6.
- Memo for those who are not waiting for interrogation. Conversation with Alexander Yesenin-Volpin. (2002). *Inviolable reserve, 1*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/1/pamyatka-dlya-ne-ozhidayushhih-doprosa.html> (accessed 01.06.2020). (In Russ.).
- Nathans, B. (2007). The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol’pin and the Idea of Rights under ‘Developed Socialism’. *Slavic Review*, 66 (4): 630—663. DOI: 10.2307/20060376.
- Orlov, V. I. (2017). *Alexander Ginzburg: a Russian novel*. Moscow: Russian Way. 792 p. ISBN 978-5-85887-489-8. (In Russ.).

- Polikovskaya, L. V. (1997). *We have a premonition ... the forerunner ...: Mayakovskiy Square, 1958—1965*. Moscow: Links. 398 p. ISBN 5-7870-0002-1. (In Russ.).
- Rubenstein, J. (1980). *Soviet Dissent in Historical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. 305 p.
- Samoilov, D. C. (2002). *Daily records. In 2 volumes, 2*. Moscow: Vremya. 384 p. ISBN 5-94117-030-0. (In Russ.).
- Serebryakova, E. G. (2020). Identity “human rights defender” in the axiology and social practice of Alexander Yesenin-Volpin. *Observatory of Culture, 17 (1)*: 48—60. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-1-48-60. (In Russ.).
- Shragin, B. I. (2000). *Thought and action: The Philosophy of History. Aesthetics. Criticism. Journalism. Memories. Letters*. Moscow: RSUH. 477 p. ISBN 5-7281-0285-9. (In Russ.).
- Shubin, A. V. (2000). *From “stagnation” to reforms. The USSR in 1917—1985*. Moscow: ROSSPEN. 768 p. (In Russ.).
- Sinyavsky, A. D. (1985). Dissidence as a personal experience. *Syntax, 15*: 131—148. (In Russ.).
- Solzhenitsyn, A. I. (1995). *Journalism: In 3 volumes, 1. Articles and speeches*. Yaroslavl: Verkhne-Volzhsy Book Publishing House. 720 p. (In Russ.).
- Vessier, C. (2015). *For your and our freedom! Dissident movement in Russia*. Moscow: New Literary Review. 576 p. ISBN 978-5-4448-0268-7. (In Russ.).
- Yesenin-Volpin, A. S. (1999). *Philosophy. Logic. Poetry. Protection of human rights: Selected. 90 years of Alexander Sergeevich Yesenin-Volpin*. Available at: <https://hro.org/node/19368> (accessed 05.09.2021). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.06.2021,
одобрена после рецензирования 19.09.2021,
подготовлена к публикации 21.01.2022.